

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2019-3-128-140

Владислав Леонидович ТОЛСТЫХИнститут философии и права, Сибирское отделение, Российская академия наук
Николаева ул., д. 8, Новосибирск, 630090, Российская Федерация
vlt73@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5103-5324

Поступила в редакцию: 28.04.2019

Принята к публикации: 19.08.2019

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АРБИТРАЖ ПРОТИВ МОРСКОГО ПРАВА (АНАЛИЗ РЕШЕНИЙ ПО ДЕЛАМ ARCTIC SUNRISE, О ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ И СПОРУ МЕЖДУ ХОРВАТИЕЙ И СЛОВЕНИЕЙ)

ВВЕДЕНИЕ. *Международный арбитраж традиционно находится на периферии правовых исследований, исключение составляет лишь одна его разновидность – инвестиционный арбитраж. В последнее время, однако, государства стали прибегать к нему чаще. Международный арбитраж, таким образом, получил возможность влиять на развитие общего права. Многие из переданных в него дел затрагивают вопросы морского права. При этом в отличие от Международного суда ООН арбитражные суды рассматривают проблемы, не связанные с применением ст. 74 и 83 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., касающихся делимитации исключительной экономической зоны и континентального шельфа. Речь идет о действии механизма обязательного урегулирования споров, режиме исторических вод и морских формирований, праве преследования по горячим следам и т.д. Складывающаяся арбитражная*

практика, однако, носит неоднозначный характер.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Материалом для исследования являются арбитражные решения по трем наиболее значимым и спорным делам в сфере морского права: Arctic Sunrise, о Южно-Китайском море и спору между Словенией и Хорватией, – выступили их нормативная основа (Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., арбитражные соглашения и обычное право) и научные комментарии к данным решениям. Методологической основой является метод критического анализа.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что аргументация, приведенная в указанных решениях, является неудовлетворительной и не соответствует положениям морского права и иных отраслей международного права. В Решении от 14 августа 2015 г. по делу*

Arctic Sunrise (Голландия и Россия) Суд указал, что задержание иностранного судна, нарушившего законы об искусственных установках, возможно только при преследовании по горячим следам, начавшемся во время нахождения судна в зоне безопасности. Преследование иностранного судна, однако, не является мерой безопасности, так как оно осуществляется после совершения нарушения; его цель – реализация ответственности. Нарушения законов, действующих в отношении платформы, в этой связи могут преследоваться на всем пространстве исключительной экономической зоны. В решениях по делу о Южно-Китайском море (Филиппины и Китай) от 29 октября 2015 г. и 12 июля 2016 г. Суд счел, что спор не касается делимитации, так как не предполагает пересечения притязаний; его выводы, однако, прямо касаются делимитации, так как фактически он установил, что морские районы Китая простираются не там, где предполагал Китай, а в другом месте. Суд также не привел убедительных оснований вывода о том, что спор не связан с «историческими правооснованиями» и Китай не претендовал на суверенитет в спорных районах. Наконец, он не рассмотрел вопрос о том, может ли масштабное строительство сделать скалу островом пригодным для проживания по смыслу ст. 121 Конвенции ООН по морскому праву. В решениях по территориальному и морскому спору от 30 июня 2016 г. и 29 июня 2017 г. (Словения и Хорватия) Суд подменил вопрос о нарушении арбитражного соглашения вопросом о возможности его дальнейшего исполнения. Такая возможность, появившаяся после замены арбитров, а также предполагаемое раскаяние Словении, однако, не исключают факта нарушения Словенией положений соглашения, без исполнения которых его цель недостижима. Суд

также установил в пользу Словении район, не предусмотренный Конвенцией и проходящий в территориальное море Хорватии, – район выхода в открытое море.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Рассмотренные решения содержат серьезные ошибки, повлиявшие на исход дела. Они отражают общее несовершенство международного арбитража, выразившееся в избирательном использовании доказательств, отсутствии гарантий против процессуальных злоупотреблений, сложности механизма, закрепленного в ч. XV Конвенции ООН по морскому праву, и др. Они также демонстрируют общее несовершенство институтов морского права, в частности отсутствие четкого регулирования юрисдикции в отношении искусственных установок; наличие серьезных пробелов в режимах исторических вод и морских формирований; неточность положений об изъятиях из обязательного механизма урегулирования; неспособность Конвенции обеспечить баланс интересов государств в случае, если территориальное море одного из них является закрытым.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное право, международное правосудие, международный арбитраж, морское право, судебные ошибки, преследование по горячим следам, морские формирования, делимитация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Толстых В.Л. 2019. Морской арбитраж против морского права (анализ решений по делам *Arctic Sunrise*, о Южно-Китайском море и спору между Хорватией и Словенией). – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 128–140.

DOI: 10.24833/0869-0049-2019-3-128-140

COURT PRACTICE

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2019-3-128-140

Vladislav L. TOLSTYKH

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

8, ul. Nikolaeva, Novosibirsk, Russian Federation, 630090

vlt73@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5103-5324

Received 28 April 2019

Approved 19 August 2019

INTERNATIONAL ARBITRATION AGAINST MARITIME LAW (ANALYSIS OF ARBITRATION COURTS RULING IN ARCTIC SUNRISE CASE, SOUTH CHINESE SEA CASE AND ON BORDER DISPUTE BETWEEN CROATIA AND SLOVENIA)

INTRODUCTION. *International arbitration is traditionally located on the periphery of legal research. The only exception is investment arbitration. Recently, however, states have started to regularly resort to it. International arbitration, thus, became able to influence the development of common law. Many of arbitration cases involve maritime law issues; unlike the International Court of Justice, arbitration courts consider problems that don't relate to Articles 74 and 83 of the 1982 Convention on the Law of the Sea, which regulate delimitation (mechanism of compulsory dispute resolution, regime of historical waters and maritime formations, right to hot pursuit, etc.). The emerging arbitration jurisprudence, however, is ambiguous.*

MATERIALS AND METHODS. *The present research has been conducted on the basis of arbitral awards delivered in the three most significant and controversial cases: Arctic Sunrise case, South China Sea case and Border dispute between Slovenia and Croatia; their normative basis (the 1982 Convention, arbitration agreements and customary law); scientific comments on these awards. The methodology of the research is based upon the method of critical analysis.*

RESEARCH RESULTS. *The author concludes that the argumentation used in these awards is unsatisfactory and inconsistent with provisions of maritime law and other branches of international law. In the Award on Arctic Sunrise case of 14 August 2015 (Netherlands and Russia), the Court indicated that the detention of a foreign vessel that violated the laws on artificial installations, is legal if the hot pursuit started when the vessel was in security zone. The pursuit of a foreign ship, however, is not a security measure, since it's carried out after committing the violation; its goal is the implementation of responsibility. Violations of laws applicable to the artificial platforms may therefore be prosecuted throughout all the exclusive economic zone. In the Awards on South China Sea case (Philippines and China) of 29 October 2015 and 12 July 2016, the Court found that the dispute did not concern delimitation, since it does not imply the intersection of claims; its conclusions, however, are directly related to delimitation as it stated that China's maritime areas do not extend where China suggested they would extend, but elsewhere. Also the Court did not provide convincing arguments for conclusions that the dispute*

does not concern “historic titles” and China does not claim sovereignty in disputed areas. Finally, it did not consider whether large-scale construction could make the island suitable for living within the meaning of Art. 121 of the 1982 Convention. In the Awards on the territorial and maritime dispute of 30 June 2016 and 29 June 2017 (Slovenia and Croatia), the Court replaced the issue of violation of the arbitration agreement by the issue of its further implementation; such an opportunity, created after the replacement of arbitrators, as well as the alleged repentance of Slovenia, however, don't exclude the fact that Slovenia violates the provisions of the agreement, essential to the accomplishment of its object or purpose. The Court also established in favor of Slovenia an area which is not envisaged by the Convention and passes in the territorial sea of Croatia – the so-called Junction Area.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. The considered awards contain gross legal inaccuracies that impacted the outcome of the cases. They reflect the imperfection of international arbitration, manifested in selective use of evidence, absence of guarantees against procedural abuses, complexity of the mecha-

nism enshrined in Part XV of the Convention, etc. The awards also reflect general imperfection of the institutions of the law of the sea – such as lack of clear regulation of the jurisdiction over artificial installations, serious gaps in the regimes of historical waters and sea formations, imprecision of the exemptions from the compulsory settlement mechanism, inability of the Convention to ensure a balance of interests of states in case the territorial sea is closed.

KEYWORDS: international law, international courts, international arbitration, law of the sea, judicial errors, hot pursuit, maritime formations, delimitation

FOR CITATION: Tolstykh V.L. Maritime Arbitration against the Law of the Sea (Analysis of Decisions on Arctic Sunrise, the South China Sea and the Dispute between Croatia and Slovenia). – *Moscow Journal of International Law*. 2019. No. 3. P. 128–140.

DOI: 10.24833/0869-0049-2019-3-128-140

1. Введение

Международный арбитраж традиционно находится на периферии международно-правовых исследований, исключение составляет лишь одна его разновидность – инвестиционный арбитраж¹. В последнее время, однако, государства стали прибегать к нему чаще. Международный арбитраж, таким образом, получил возможность влиять на развитие общего права. Многие из переданных в него дел затрагивают вопросы морского права. При этом в отличие от Международного суда ООН (далее – МС ООН) арбитражные суды часто занимаются проблемами, не связанными с применением ст. 74 и 83 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее – Конвенция), относящихся к делимитации исключительной экономической зоны (далее – ИЭЗ) и континентального шельфа (далее – КШ). Речь идет о механизме обязательного урегулирования, режиме исторических вод и морских формирований, праве преследования по горячим следам и

т.д. Складывающаяся арбитражная практика, однако, носит неоднозначный характер. Задача данной статьи – проанализировать недавние решения по трем наиболее значимым делам: *Arctic Sunrise*, о Южно-Китайском море и спору между Словенией и Хорватией. Два дела были переданы в арбитраж на основании ч. XV и Приложения VII Конвенции, а одно – на основании отдельного арбитражного соглашения (спор между Словенией и Хорватией). Во всех случаях функции администрирования арбитража осуществляла Постоянная палата третейского суда (далее – ППТС). Резюме решений, воспроизведенные в данной статье, отражают только главные выводы судов; после каждого такого описания следует комментарий.

2. Дело *Arctic Sunrise* (Голландия и Россия)

Голландский ледокол *Arctic Sunrise*, принадлежащий Гринпис, 18 сентября 2013 г. попытался провести в ИЭЗ Российской Федерации акцию

¹ Общих работ по данной теме немного [The Flame Rekindled... 1994; Amerasinghe 2011; Толстых 2015:316–385].

протеста – установить на платформе «Приразломная» спасательную капсулу. Пять лодок, спущенных с ледокола, вошли в зону безопасности и находившиеся в них активисты попытались забраться на платформу с помощью альпинистского снаряжения. После того как против них были использованы водометы, они спустились и были задержаны пограничниками. Сторожевой корабль «Ладога» потребовал от ледокола остановиться и пустить на борт досмотровую команду. Ледокол отказался и потребовал возвращения активистов. Затем он отошел на 20 миль от платформы, однако спустя некоторое время вернулся. «Ладога» 19 сентября еще раз потребовала от ледокола остановиться и допустить инспекторов, после чего с российского вертолета на ледокол высадились 15–16 вооруженных человек, которые окружили команду ледокола, уничтожили радиооборудование и отобрали телефоны, компьютеры и камеры. Судно было отбуксировано в Мурманск, а члены команды – заключены под стражу. Следственный комитет возбудил дело по ч. 3 ст. 227 УК РФ (пиратство), но потом изменил квалификацию на ч. 2 ст. 213 (хулиганство), так как «Приразломная» не является судном. Нидерланды инициировали арбитраж. Международной трибунал по морскому праву (далее – МТМП) 22 ноября 2013 г. предписал обеспечительные меры, включающие освобождение судна Россией и предоставление Нидерландами банковской гарантии в размере 3,6 млн евро. После этого команда ледокола была освобождена по амнистии, а арест с ледокола сняли. В состав арбитража вошли пятеро судей (граждане Нидерландов, Мексики, Австралии, Польши и Ганы). Один из них был назначен Нидерландами, четверо – Председателем МТМП по просьбе Нидерландов. Российская Федерация отказалась участвовать в процессе. В Решении по юрисдикции от 26 ноября 2014 г. Суд счел, что заявление Российской Федерации, сделанное при ратификации Конвенции, не исключает спор из юрисдикции Суда.

В Решении по существу, вынесенном 14 августа 2015 г., Трибунал сослался на ст. 58 и 87 Конвенции и указал, что в пределах ИЭЗ все государства пользуются свободой судоходства и связанным с ней правом на протест в море (§ 227–228). Статья 60 Конвенции устанавливает юрисдикцию прибрежного государства в отношении искусственных установок и право принимать в зонах безопасности вокруг них меры, направленные на обеспечение безопасности су-

ходства и их самих. Однако предполагаемое хулиганство или неправомерный заход в зону безопасности не образует законного основания для высадки на иностранное судно в ИЭЗ без согласия государства флага. Высадка и задержание возможны только при осуществлении права преследования по горячим следам, соответствующего условиям, закрепленным в ст. 111 Конвенции, к числу которых относятся (1) нарушение законов прибрежного государства, (2) подача предварительного сигнала остановиться, (3) нахождение судна в соответствующей зоне и (4) непрерывность преследования.

В отношении *первого условия* Суд счел, что российские власти могли полагать, что проникновение лодок в 500-метровую зону безопасности вокруг «Приразломной» нарушает их законы и оправдывает преследование (§ 250). В отношении *второго и третьего условий* Суд указал, что преследование должно было начаться только после подачи сигнала и только тогда, когда по меньшей мере одна из лодок находилась в 500-метровой зоне безопасности вокруг «Приразломной» (§ 253). Рассмотрев видео и другие доказательства, Трибунал счел, что требования, относящиеся к началу преследования, были выполнены (§ 267). В соответствии с *четвертым условием* нужно, чтобы преследование, начавшееся в 500-мильной зоне, не прерывалось до момента задержания. Это условие не было соблюдено. В течение трех часов после отдачи первого приказа остановиться «Ладога» пыталась задержать ледокол, однако в течение последующих 33 часов она следовала за ним, не пытаясь остановить его, и даже позволила ему передать одежду, пищу и медикаменты для задержанных активистов. Это несовместимо с непрерывностью преследования. Можно допустить, что «Ладога» ждала вертолет, но ее нахождение возле ледокола, скорее, свидетельствовало о намерении предотвратить дальнейшие действия в отношении платформы и об ожидании дальнейших инструкций (§ 272). Таким образом, право на преследование по горячим следам не может быть основанием для действий в отношении ледокола (§ 275). Суд также отклонил другие основания (подозрения в терроризме, защиту неживых ресурсов, охрану морской среды, опасное маневрирование). В итоге МТМП счел, что Россия нарушила ст. 56(2), 58(1), 58(2), 87(1а) и 92(1) Конвенции (§ 333).

Комментарий. Главная линия рассуждений Трибунала выглядит неверной. Констатируя право прибрежного государства принимать за-

коны, применимые к искусственным установкам, Суд указал, что их нарушение не оправдывает задержание судна в ИЭЗ без согласия государства флага; такое задержание возможно только при осуществлении преследования по горячим следам, которое должно начаться во время нахождения судна в зоне безопасности и быть непрерывным. Зона безопасности, однако, не устанавливает границ преследования, а имеет иное назначение. В ней прибрежное государство вправе принимать «надлежащие меры для обеспечения безопасности» судоходства и платформ (ст. 60(4) Конвенции), к числу которых относятся особые запреты или специальные принудительные меры, т.е. действия, направленные на *предупреждение* нарушения. Преследование иностранного судна не является мерой безопасности, так как оно осуществляется после совершения нарушения. Его цель состоит в *реализации ответственности*, т.е. в получении возмещения. Основанием преследования является не право устанавливать зоны безопасности (ст. 60 Конвенции), а юрисдикция прибрежного государства в отношении платформ, являющаяся частью его юрисдикции в ИЭЗ (ст. 56 Конвенции). Нарушения законов, действующих в отношении платформы, в этой связи могут преследоваться на всем пространстве ИЭЗ. Данный вывод подтверждается и ст. 111(4) Конвенции, которая содержит исключительный перечень районов, в которых может начинаться преследование: территориальное море (далее – ТМ), прилегающая зона, ИЭЗ и КШ. Зона безопасности не упоминается ни явно, ни имплицитно. Неслучайно, в § 253 Решения Суд не процитировал ст. 111(4) Конвенции, а передал ее содержание своими словами, указав, что в соответствии с ней преследование должно начинаться, когда судно или его шлюпки находятся в соответствующей области (*relevant area*). Таким образом, Суд намеренно переформулировал содержание данной статьи.

Данный тезис может быть доказан и *ad absurdum*. Следуя логике Суда, если прибрежное государство не устанавливает зону безопасности (в которой должно начинаться преследование),

то в случае совершения действий, направленных против безопасности платформы, у него не возникает и права на задержание. При проецировании этой логики на рыболовство окажется, что в случае установления прибрежным государством зон, запретных для рыбной ловли, задержание иностранного судна – нарушителя может быть осуществлено, только если преследование начинается в пределах данных зон. Наконец, позиция Суда по этому вопросу является нереалистичной и с сугубо технической точки зрения. Как отметил сам МТМП, покинуть зону безопасности можно за несколько минут (§ 267). Получается, что если в течение нескольких минут прибрежное государство не начинает преследование, то оно утрачивает право на задержание. Следовательно, чтобы данное право было обеспечено, возле каждой платформы должен находиться в состоянии полной боевой готовности сторожевой корабль, мгновенно реагирующий на любые действия, угрожающие ее безопасности².

3. Дело о Южно-Китайском море (Филиппины и Китай)

В 2013 г. Филиппины начали процесс против Китая, оспорив его притязания в Южно-Китайском море (далее – ЮКМ). Китай отказался участвовать в процессе, посчитав, что спор касался суверенитета над морскими образованиями (не регулируемого Конвенцией) и делимитации (исключенной Китаем из юрисдикции суда)³. В этой связи один арбитр был назначен Филиппинами, а четыре – Председателем МТМП. ППТС был определен в качестве секретариата. Суд вынес 29 октября 2015 г. Решение по юрисдикции, в котором счел, что дело не связано с суверенитетом над морскими образованиями. Он также установил, что оно не затрагивает морскую делимитацию. Спор о притязаниях на морские районы отличается от дела о делимитации этих районов в области пересечения притязаний сторон. Морская граница может быть делимитирована только между государствами с пересекающимися притязаниями. И, наоборот, спор о притязаниях

² Отдельные аспекты данного дела были прокомментированы иностранными авторами [Harrison 2016:145–159; Moscor 2016:60–87].

³ Статья 298 Конвенции гласит:

«...государство... может в письменной форме заявить, что оно не принимает одну или несколько процедур, предусмотренных в Разделе 2, в отношении одной или более нижеследующих категорий споров:

а) i) споров, связанных с толкованием или применением статей 15, 74 и 83, касающихся делимитации морских границ, или споров, связанных с историческими заливами или правооснованиями...».

Китай сделал соответствующее заявление в 2006 г.

может существовать без пересечения, например, когда одно государство претендует на районы в области, которую другие государства рассматривают как часть открытого моря (далее – ОМ). Рассмотрение остальных ограничений юрисдикции было перенесено на более позднюю стадию. Суд вынес решение по существу 12 июля 2016 г.

В *требованиях № 1 и 2* Филиппины просили Суд признать, что Китай имеет в ЮКМ только права по Конвенции и не обладает историческими правами, в том числе в пределах Линии девяти штрихов (Л9Ш). Данная линия ограничивает большую часть ЮКМ, за исключением небольших участков вдоль побережий других государств. Китай ссылаясь на нее в дипломатической переписке и публичных заявлениях. Суд отметил, что большая часть области Л9Ш покрывается претензией Китая на ИЭЗ и КШ, отмеряемые от островов Спратли, которые КНР считает своими. Однако в нескольких случаях Китай претендовал на права, не предусмотренные Конвенцией, например запрещал летнее рыболовство во всем ЮКМ. Одновременно он заявлял, что уважает свободы судоходства в ЮКМ и пролетов над ним. Поскольку Конвенция не распространяет эти свободы (за исключением права мирного прохода) на ТМ и внутренние воды (далее – ВВ), это свидетельствует о том, что Китай не рассматривает область Л9Ш как свое ТМ или ВВ. Кроме того, Китай не устанавливал бы исходные линии для ТМ, огибающие Хайнань и Парасельские острова (а он сделал это), если бы воды вблизи этих островов уже образовывали часть его ТМ или ВВ на основании исторических титулов. В итоге Суд счел, что Китай претендует на ресурсы в области Л9Ш, но не считает эту область частью своего ТМ или ВВ.

Далее Суд определил, покрывается ли спор исключением, касающимся «исторических правооснований» (ст. 298(1a) Конвенции). Он указал: «Термин «исторические права» является общим по своей природе и может описывать любые права, принадлежащие государству, которые, как

правило, не возникают в соответствии с общими нормами международного права в отсутствие конкретных исторических обстоятельств. Исторические права могут включать суверенитет, но могут также вбирать в себя более ограниченные права... «Историческое правооснование», наоборот, используется специально для обозначения исторического суверенитета над землей или морскими районами...» (§ 225). Таким образом, ст. 298(1a) Конвенции не исключает юрисдикцию Суда в отношении притязаний на исторические права, не подпадающие под категорию «суверенитет».

Перейдя к существу требований, Суд напомнил, что Китай претендует на исторические права в отношении ресурсов ЮКМ в области Л9Ш. Это требование совместимо с Конвенцией в той мере, в какой оно вытекает из юрисдикции над ИЭЗ и КШ, но идет вразрез с ней в той мере, в какой выходит за пределы этих районов. Это ясно следует из Конвенции, регулирующей права других государств в ИЭЗ и КШ и не предусматривающей возможности установления в этих районах исторических прав (§ 261–262). Долгое время судоходство, торговля и рыболовство Китая за пределами ТМ реализовывали свободы ОМ. Эту деятельность могли осуществлять все страны, поэтому она не может обосновывать исторические права. Ратификация Конвенции не погасила исторические права; скорее, Китай отказался от использования свобод ОМ в чужой ИЭЗ. В то же время он приобрел больший контроль над районами, создаваемыми его побережьем. Свобода судоходства в ЮКМ при этом осталась незатронутой. В итоге Суд счел, что притязания Китая на исторические права в области Л9Ш не могут выходить за пределы его прав по Конвенции.

В *требованиях № 3–7* Филиппины просили определить характер 10 образований в ЮКМ; от этого зависел вопрос о том, имеют ли они собственные ИЭЗ и КШ. Конвенция упоминает осыхающие при отливе возвышения (ст. 13⁴), скалы и острова (ст. 121⁵). При этом лишь по-

⁴ Статья 13 Конвенции устанавливает следующее: «1. Осыхающее при отливе возвышение представляет собой естественно образованное пространство суши, окруженное водой, которое находится выше уровня воды при отливе, но покрывается водой при приливе...»

⁵ Статья 121 Конвенции гласит:

«1. Остров представляет собой естественно образованное пространство суши, окруженное водой, которое находится выше уровня воды при приливе.

2. За исключением, предусмотренным в пункте 3, территориальное море, прилегающая зона, исключительная экономическая зона и континентальный шельф острова определяются в соответствии с положениями настоящей Конвенции, применимыми к другим сухопутным территориям.

3. Скалы, которые не пригодны для поддержания жизни человека или для самостоятельной хозяйственной деятельности, не имеют ни исключительной экономической зоны, ни континентального шельфа».

следние имеют ИЭЗ и КШ. Суд указал, что термин «естественно образованное» предполагает, что характер образования должен определяться с учетом его естественного состояния. *De jure* человеческие модификации не могут превратить дно в возвышение, а последнее – в остров (§ 305). В данном деле это имело особое значение, так как многие образования в ЮКМ были подвергнуты значительному человеческому воздействию, в результате которого на них появились острова с установками и взлетно-посадочными полосами. Термин «жизнь человека» предполагает поселение на образовании стабильного сообщества людей, для которых оно является домом, где они могут оставаться. Такое сообщество необязательно должно быть большим. Периодическое или обычное проживание кочевого народа также может считаться жизнью человека. «Хозяйственная деятельность» должна ориентироваться на само образование, а не только на его воды или морское дно. Деятельность, полностью зависящая от внешних ресурсов или состоящая в добыче ресурсов без вовлечения местного населения, не имеет необходимой связи с самим образованием. Статья 121(3) Конвенции говорит о *пригодности* образования для проживания, а не о его населенности в настоящее время или в прошлом. Пригодность является объективным критерием и должна оцениваться в каждом конкретном случае. Следует учитывать наличие воды, пищи и убежища в объемах, достаточных для того, чтобы позволить группе лиц жить на образовании длительное время, а также преобладающий климат, близость к населенным областям и т.д. Доказательства физических условий обычно позволяют определить пригодность, однако в пограничных случаях они могут быть недостаточными. В таких ситуациях достоверным доказательством является историческое использование. Образование, которое никогда не было населено, скорее всего, не является пригодным для поддержания жизни человека. И наоборот, если на нем живут или жили люди, то нужно определить, стала ли такая жизнь возможной только благодаря внешней поддержке. Если последняя образует необходимое условие для заселения, то жизнь человека не поддерживается самим образованием. В этой связи чисто официальное или военное население, обслуживаемое извне, не свидетельствует о том, что образование пригодно для поддержания жизни (§ 540–551).

Применив эти критерии, Суд счел, что ни одно спорное образование не является островом.

Часть из них представляют собой скалы. Китай реализовал на них строительные работы, но его присутствие зависит от внешних поставок; доказательства человеческой активности до 1988 г. отсутствуют. Что касается островов Спратли, то все они контролируются прибрежными государствами; это присутствие, однако, является официальным и поддерживается извне. Они могут обеспечивать выживание групп населения: на них имеются питьевая вода и растительность, способная обеспечить убежище и возможность ограниченного сельского хозяйства. В то же время их пригодность даже для обеспечения выживания ограничена. Доказательства существования устойчивого сообщества отсутствуют: острова Спратли были временным убежищем и местом деятельности рыбаков и рабочих, добывавших рыбу и полезные ископаемые для внешнего населения. Таким образом, острова Спратли не являются пригодными для поддержания жизни человека или самостоятельной хозяйственной деятельности и не имеют собственных ИЭЗ и КШ.

В *Требовании № 12* Филиппины просили Суд признать, что оккупация Китаем рифа Мисчиф нарушила Конвенцию. Китай создал на этом рифе 5,5 млн кв. м новой земли и построил дамбы, причалы погрузки, цементные заводы и канал. Трибунал ранее установил, что риф Мисчиф является осыхающим при отливе возвышением. Из этого следует, что основа для притязаний Китая на этот риф отсутствует. В связи с этим он находится в ИЭЗ Филиппин. Согласно ст. 60 Конвенции только Филиппины могут разрешать здесь строительство. Деятельность Китая велась без разрешения Филиппин и в этой связи нарушает Конвенцию (§ 1038).

Комментарий. Выводы Суда выглядят спорными. Во-первых, Суд счел, что спор не касается делимитации, так как не предполагает пересечения притязаний (и потому не подпадает под заявление Китая 2006 г.). По существу МТМП решил, что возвышения ЮКМ не являются островами и потому не могут быть присвоены и не создают прав на ИЭЗ и КШ. Данные выводы, однако, прямо касаются делимитации: фактически Суд установил, что морские районы Китая простираются не там, где предполагало это государство, а в другом месте, и именно поэтому не пересекаются с морскими районами Филиппин. Решающее значение при квалификации спора как касающегося делимитации имеет не пересечение притязаний, а существование спорной границы.

Во-вторых, Суд счел, что спор не связан с «историческими правооснованиями» и потому не охватывается заявлением Китая. Данный термин был привязан к территориальному суверенитету. Китай же, по мнению МТП, настаивал на правах иного рода. Убедительных доводов в пользу такого толкования Суд не привел. То, что термин «правооснование» (title) часто используется в контексте претензий на суверенитет, не означает, что он не может быть употреблен в ином контексте. Вывод Суда, согласно которому Китай не претендовал на суверенитет, также выглядит спорным. Трибунал, в частности, сослался на то, что Китай уважал свободу судоходства, которая обычно не признается в районах, находящихся под суверенитетом. Однако предоставление иностранным государствам больших прав, чем те, которые предусмотрены Конвенцией, не запрещено. В Решении по делу о континентальном шельфе от 24 февраля 1982 г. МС ООН указал, что общее право предусматривает не единый режим для «исторических вод», а особый режим для каждого конкретного случая «исторических вод» (§ 100).

В-третьих, Суд указал, что при недостаточности доказательств физических условий доказательством пригодности является историческое использование. Это позволило ему определить формирования ЮКМ, на которых ранее не проживало устойчивое сообщество, как непригодные для проживания. Однако связь между отсутствием сообщества и непригодностью образования не является настолько жесткой: люди могут игнорировать пригодные для проживания образования, если в их распоряжении имеются более удобные места; интерес может возникать постепенно, по мере демографического роста. Кроме того, Суд не рассмотрел подробно вопрос об антропогенном воздействии. Он заявил о том, что искусственное поднятие рифовой платформы не изменяет статус образования и не превращает дно в осушающее при отливе возвышение, а последнее – в остров. Вместе с тем он не стал рассматривать вопрос о том, может ли масштабное строительство сделать остров пригодным для проживания по смыслу ст. 121 Конвенции. Основания для положительного ответа имеются, ведь в большинстве регионов мира человек не может жить без создаваемой им искусственной среды обитания. В контексте данного дела это означало

бы возможность квалификации некоторых образований ЮКМ как островов, с последующим допущением возможности их присвоения Китаем⁶.

4. Территориальный и морской спор (Хорватия и Словения)

В 2009 г. при посредничестве ЕС стороны заключили Арбитражное соглашение (далее – АС). Статья 2 АС устанавливает, что председатель суда и два арбитра назначаются сторонами совместно и еще два арбитра – отдельно каждой стороной (в случае затруднений назначения осуществляются Председателем МС ООН или председателем Суда). Суд начал работу в 2012 г. Летом 2015 г. сербская и хорватская газеты опубликовали расшифровку двух телефонных разговоров между арбитром от Словении Й. Секолецом и представителем Словении С. Дреник, в которых шла речь о совещании и позициях судей, возможностях повлиять на них и передаче Секолецу подготовленных Дреник документов. После этого арбитры от сторон были заменены. Хорватия, однако, посчитала, что арбитражный процесс скомпрометирован и отказалась от участия в нем. В этих условиях 30 июня 2016 г. Суд вынес частичное решение по вопросам юрисдикции.

Суд признал, что Секолец и Дреник грубо нарушили Регламент Суда и Условия назначения. Секолец, однако, был заменен; теперь дело могло слушаться в его отсутствие, с предоставлением всех процедурных гарантий; беспристрастность новых арбитров не была поставлена под сомнение. Материалы дела не были «заражены» информацией, поступившей от Секольца, как считала Хорватия, поскольку эти сведения касались уже известных и незначительных фактов. Выступления Секольца отражали его позицию и не повлияли на способность других судей формировать свою позицию. Таким образом, препятствия для продолжения процесса отсутствовали.

Далее Суд рассмотрел вопрос о том, могла ли Хорватия прекратить АС со ссылкой на его существенное нарушение. Согласно ст. 60(3) Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (далее – Венская конвенция) такое нарушение может состоять: а) в отказе от договора, который не допускается Венской конвенцией, или б) в нарушении положения, имеющего существенное значение для осуществления объек-

⁶ Данное дело вызвало большой резонанс и стало предметом целого ряда серьезных и глубоких исследований [Talmon 2018; Arbitration... 2016; Tseng 2016; Yee 2014:663–739; The South China Sea Arbitration... 2014].

та и целей договора. Отказ от АС не имел места: Словения настаивала на том, чтобы АС продолжало применяться, призывала Суд выполнять его функции и признавала свои обязательства. Статья 60(3b) не говорит о серьезности нарушения, а требует, чтобы нарушенное положение было значимым для осуществления объекта и цели договора. Объект и цель АС состояли в том, чтобы доверить Суду задачу разрешения спора в соответствии с условиями, согласованными сторонами, и обеспечить вступление Хорватии в ЕС (против которого возражала Словения). Одна из целей была достигнута: Хорватия вступила в ЕС. Для того чтобы достичь другой цели (разрешения спора), состав Суда был изменен, а документы, подготовленные Дреник, были переданы сторонам. Процессуальный баланс был восстановлен; в этой связи нарушение Словенией не сделало продолжение процесса невозможным. Таким образом, Хорватия не имела права прекращать АС, которое оставалось в силе.

Окончательное решение было вынесено 29 июня 2017 г. Хорватия граничит со Словенией по суше и по морю. Граница по суше начинается в точке тройного стыка границ Хорватии, Словении и Венгрии и заканчивается на побережье залива Пирана (Савудрии) (далее – Залив). Он находится в Адриатическом море и занимает 3,3% залива Триеста. Словения и Хорватия входили в состав Священной римской империи, а после ее распада – в состав Австрийской империи. В 1918 г. было образовано Королевство сербов, хорватов и словенцев, в 1929 г. – Королевство Югославия, в 1945 г. – Социалистическая Федеративная Республика Югославия (далее – СФРЮ). В июне 1991 г. Хорватия и Словения провозгласили независимость.

Для делимитации сухопутной границы стороны согласились применять принцип *uti possidetis* и договорились, что граница не является спорной там, где кадастровые границы совпадают (более 90% ее протяженности). В основном Суд использовал кадастры, составленные в 50-х годах XX в., а иногда другие кадастры и географические карты. Если Суд не мог установить кадастровые границы, он использовал *effectivités*. В отношении морской границы ситуация была иной. Залив являлся ВВ СФРЮ, а после распада СФРЮ стал ВВ двух стран. Суд счел, что в отсутствие положений о делимитации ВВ в конвенциях по морскому праву 1958 и 1982 гг. установление морской границы должно подчиняться принципам делимитации суши, т.е. принципу *uti*

possidetis. Поскольку во времена СФРЮ Залив не был разделен *de jure*, Суд применил *effectivités*.

Словенский берег был плотно населен, экономика основывалась на рыбной ловле, морских перевозках, добыче соли и туризме. На хорватском же берегу не было постоянных поселений, за исключением двух туристических объектов. Словения создала в Заливе рыбный заповедник и регулировала его режим, ее полиция патрулировала Залив и боролась с незаконной миграцией и контрабандой. Хорватия не принимала таких мер; ее контроль обычно осуществлялся на расстоянии менее 100 м от берега. В итоге Суд делимитировал Залив по линии, соединяющей точку пересечения сухопутных границ сторон в устье реки Драгонии и точку, расположенную на линии, замыкающей Залив. Эта точка (точка А) отстоит от мыса Мадоны (Словения) на расстоянии в три раза большее, чем расстояние от нее до мыса Савудрии (Хорватия). Таким образом, Суд не стал использовать линию эквидистанции и присудил большую часть Залива Словении. Точка А является конечной точкой границы ВВ и начальной точкой границы ТМ.

Согласно ст. 15 Конвенции делимитация ТМ осуществляется на основе метода эквидистанции, за исключением случаев, когда «в силу исторически сложившихся правовых оснований или иных особых обстоятельств» необходимо разграничить ТМ иным образом. Суд счел, что некоторые характеристики побережья оказывают явно непропорциональный эффект и являются особым обстоятельством. Близко к точке А береговая линия Хорватии резко поворачивает на юг вокруг мыса Савудрии таким образом, что хорватские базовые точки, определяющие линию эквидистанции, оказываются расположенными на очень небольшом участке берега, обращенном к северу. Его направление заметно отличается от обращенного к юго-западу направления большей части хорватского берега и сильно смещает линию эквидистанции на север, усиливая закрытый характер словенского района. Этот фактор определяет отступление от линии эквидистанции. Граница должна идти от точки А на северо-запад параллельно линии, установленной Договором 1975 г. между Италией и СФРЮ о делимитации ТМ (далее – Договор 1975 г.), так, чтобы не увеличивать закрытый характер словенских вод.

Далее Суд рассмотрел вопрос о выходе Словении в ОМ. Свободы ОМ провозглашены в ст. 87 Конвенции и действуют также в ИЭЗ

(ст. 58(1) Конвенции). В Средиземном море нет района, где режим ОМ применялся бы *stricto sensu*. Однако Хорватия не установила ИЭЗ, а стороны предложили Суду рассматривать районы за пределами ТМ как ОМ. Территориальное море Словении примыкает к ТМ Италии или Хорватии, т.е. нет ни одной области, к которой бы оно примыкало и режим которой предусматривал бы свободы ОМ. Суд указал, что в соответствии со ст. 3 и 4 АС он должен определить «выход Словении в открытое море» и «режим использования данного района», «применяя международное право, справедливость и принцип добрососедских отношений для достижения справедливого результата с учетом всех относящихся к делу обстоятельств». В этой связи он должен не только определить, какой режим действует в отношении конкретного района, но также принять во внимание жизненные интересы сторон и внести необходимые изменения. Суд обязан, в частности, учесть значение прав на доступ в Словению по морю и воздуху и значение юрисдикции над судами и самолетами, осуществляющими эти права. Выходом Словении в ОМ в этой связи является район, в котором суда и самолеты пользуются теми же правами, какими они пользуются в ОМ. Этот район соединяет ТМ Словении с областью, лежащей за пределами ТМ Хорватии и Италии. Его ширина должна составлять 2,5 мили, и он должен прилегать к границе, установленной Договором 1975 г. Иными словами, он должен проходить в ТМ Хорватии.

Режим района выхода Словении в ОМ призван гарантировать целостность ТМ Хорватии и свободу связи Словении с ОМ. Все суда и самолеты должны пользоваться в нем свободой сообщения для целей доступа в Словению. Эта свобода включает свободы судоходства и пролета, прокладки подводных кабелей и трубопроводов. Она не обусловлена критерием мирного характера, не может быть приостановлена, не предполагает обязанность подводных лодок следовать на поверхности, а также контроль прибрежного государства, не предусмотренный режимом ИЭЗ. Она не включает права управления природными ресурсами, возведения искусственных сооружений, проведения морских исследований, принятия мер для охраны морской среды. Суда и самолеты, использующие ее, не подлежат остановке, аресту и другим формам вмешательства со стороны Хорватии. Последняя, однако, вправе принимать законы и правила, применимые к хорватским судам и самолетам и каса-

ющиеся безопасности их прохода (ст. 39 (2, 3) Конвенции). Она также имеет право отвечать на просьбу о помощи, исходящую от капитана судна и дипломатического агента, и право осуществлять меры для предотвращения загрязнения, вызванного морской аварией (ст. 221 Конвенции).

Комментарий. Три момента в решениях Суда вызывают сомнения. Первый касается непризнания Судом нарушения существенного положения договора. По сути, Суд подменил проблему нарушения АС вопросом о возможности его дальнейшего исполнения. Такая возможность, появившаяся после замены арбитров, а также предполагаемое раскаяние Словении никак не исключают факта нарушения Словенией положений АС, без исполнения которых достижение цели АС невозможно. Такое понимание подтверждается и самой логикой ст. 60 Венской конвенции. Эта норма закрепляет право прекратить договор, который все еще может быть исполнен; данное право было бы бессмысленным, если бы нарушение влекло за собой невозможность исполнения.

Второй момент, менее очевидный, касается учета *effectivités* при делимитации Залива. Будучи элементом принципа *uti possidetis, effectivités* отражают сложившиеся экономические, социальные и культурные условия использования территории. В данном случае, однако, эта стратегия расходится с базовым принципом делимитации моря – принципом эквидистанции. Конвенция, действительно, не распространяет его на ВВ, но это связано не с тем, что он не подходит для ВВ, а с тем, что режим ВВ в целом не фиксируется данным документом. Это, однако, не исключает того, что подход к делимитации ВВ должен совпадать с подходом к делимитации других морских районов и учитывать только географические соображения, а не *effectivités*. Этому есть и вполне рациональное объяснение: использование моря не создает такой устойчивой связи, какую влечет за собой использование земли (например, строительство дома). В этой связи абстрактная справедливость здесь имеет большее значение, чем исторические факторы.

Третий момент касается выхода Словении в ОМ. Суд принял во внимание «жизненные интересы» Словении и установил в ее пользу район, не предусмотренный Конвенцией и проходящий в ТМ Хорватии, – район выхода в ОМ. Это решение выглядит грубым попранием правовых норм. Во-первых, Суд не мог использовать АС,

имеющее процессуальный характер, как основу для создания нового материально-правового режима. *Во-вторых*, ст. 3 АС не требует от Суда учреждать особый район для выхода Словении в ОМ. Она ставит перед ним лишь задачу *определить* этот выход, который вполне может проходить через ТМ Хорватии. *В-третьих*, Суд не вправе применять принцип справедливости в ущерб Конвенции, участниками которой являются обе стороны. *В-четвертых*, режим выхода *лишает* Хорватию прав в отношении своего ТМ, предусмотренных Конвенцией, в частности права настаивать на мирном характере прохода, права приостанавливать проход и др. Хорватия была совершенно права, когда утверждала, что контакт с ОМ может создаваться только ТМ. В соответствии же с решением самого Суда ТМ Словении не достигает ОМ. Логика Суда предполагает, что остальные государства, не имеющие выхода в ОМ, могут требовать его через ТМ других стран, модифицируя общий режим ТМ в свою пользу. Какой-либо смысл в Конвенции в этом случае исчезает, так же как и определенность регулирования⁷.

5. Заключение

Рассмотренные решения указывают на некоторые общие тенденции.

Во-первых, они содержат грубые правовые ошибки, повлиявшие на исход дела. В деле ЮКМ эти ошибки менее очевидные, а в двух других делах более явные. Данные просчеты являются результатом превратного толкования: суды редуцировали исторический, фактический и нормативный контекст норм права и неверно определяли их смысл (в деле *Arctic Sunrise* для этого потребовалось даже переформулировать содержание нормы). Очевидность указанных ошибок заставляет предположить не только небрежность или недостаток квалификации судей, но и их субъективность.

Во-вторых, эти решения отражают общее несовершенство международного арбитража, проявившееся в избирательном использовании доказательств, отсутствии гарантий против про-

цессуальных злоупотреблений, сложности и недостаточной конкретизации механизма, закрепленного в ч. XV Конвенции, вышеупомянутом недостатке беспристрастности и квалификации судей и др. Обновленный международный третейский суд так и не стал достойным партнером и конкурентом МС ООН; аргументы, которые в начале XX в. были выдвинуты в пользу создания постоянных судов, не утратили своей актуальности и сегодня.

В-третьих, рассмотренные решения отражают общее несовершенство институтов морского права. Дело *Arctic Sunrise* показало, что Конвенция не содержит четкого регулирования юрисдикции в отношении искусственных установок. Дело о ЮКМ продемонстрировало наличие серьезных пробелов в режимах исторических вод и морских формирований и неточность положений об изъятиях из обязательного механизма урегулирования. Спор между Хорватией и Словенией выявил отсутствие четких критериев делимитации ВВ и неспособность Конвенции обеспечить баланс интересов государств в случае, если ТМ одного из них является закрытым.

В-четвертых, недостаток реакции на эти решения со стороны российского научного сообщества свидетельствует о ценностной дезориентации, низком уровне критической самооценки и нежелании и (или) неспособности отстаивать национальные интересы. Действительно, Россия была стороной в деле *Arctic Sunrise*, а ее претензии на особые права в ее полярном секторе во многом схожи с претензиями Китая на особые права в ЮКМ. Реакция зарубежной доктрины более заметна, но и она едва ли может быть признана достаточной.

Отмеченные негативные тенденции могут быть преодолены двумя способами. Компромиссный путь состоит в корректировке правоприменительной практики, для чего достаточно подвергнуть допущенные ошибки подробному и публичному анализу. Радикальный путь предполагает изменение правовых институтов: дополнение Конвенции, разработку более совершенных механизмов отбора судей и оспаривания арбитражных решений и т.д.

Список литературы

1. Толстых В.Л. 2015. *Международные суды и их практика*. М.: Международные отношения. 504 с.

2. Amerasinghe Ch.F. 2011. *International Arbitral Jurisdiction*. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers. 284 p. DOI: <https://doi.org/10.1163/ej.9789004181335.i-284>
3. *Arbitration Concerning the South China Sea: Philippines*

⁷ Данному делу были посвящены небольшие обзорные работы [Perisic 2018; Ferri 2018].

- versus China*. Ed. by Sh. Wu, K. Zou. 2016. New York: Routledge. 304 p.
- Ferri M. 2018. A New (and Questionable) Institute to Guarantee the Right of Access to the High Seas: the Junction Area established in Croatian territorial sea. – *DPCE Online*. Vol. 36. Issue 3. P. 639–671
 - Harrison J. 2016. The Arctic Sunrise Arbitration (Netherlands v. Russia). – *The International Journal of Marine and Coastal Law*. Vol. 31. Issue 1. P. 145–159. DOI: <https://doi.org/10.1163/15718085-12341389>
 - The Flame Rekindled: new hopes for international arbitration*. Ed. by S. Muller, W. Mijs. 1994. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers. 202 p.
 - Mossop J. 2016. Protests against Oil Exploration at Sea: Lessons from the Arctic Sunrise Arbitration. – *The International Journal of Marine and Coastal Law*. Vol. 31. Issue 1. P. 60–87. DOI: 10.1163/15718085-12341383
 - Perisic P. 2018. Maritime Delimitation between the Republic of Croatia and the Republic of Slovenia in the Bay of Piran. – *2nd Law & Political Science Conference*. Prague: Institute of Social and Economic Sciences. P. 35–49. URL: https://www.bib.irb.hr/948760/download/948760.proceeding-79-010-9655_2.pdf (accessed date: 20.12.2018).
 - Talmon S.A.G. 2018. The South China Sea Arbitration: Observations on the Award of 12 July 2016. – *Bonn Research Papers on Public International Law*. No. 14. 99 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3180037>
 - The South China Sea Arbitration: A Chinese Perspective*. Ed. by S.A.G. Talmon, B.B. Jia. 2014. Oxford: Bloomsbury Publishing. 274 p.
 - Tseng K. Hui-Yi. 2016. *Rethinking South China Sea Disputes. The Untold Dimensions and Great Expectations*. London; New York: Routledge. 176 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315672977>
 - Yee S. 2014. The South China Sea Arbitration (the Philippines v. China): Potential Jurisdictional Obstacles or Objections. – *Chinese Journal of International Law*. Vol. 13. Issue 4. P. 663–739. DOI: <https://doi.org/10.1093/chinesejil/jmu045>
 - <https://doi.org/10.1163/ej.9789004181335.i-284>
 - Arbitration Concerning the South China Sea: Philippines versus China*. Ed. by Sh. Wu, K. Zou. New York: Routledge. 2016. 304 p.
 - Ferri M. A New (and Questionable) Institute to Guarantee the Right of Access to the High Seas: the Junction Area established in Croatian territorial sea. – *DPCE Online*. 2018. Vol. 36. Issue 3. P. 639–671.
 - Harrison J. The Arctic Sunrise Arbitration (Netherlands v. Russia). – *The International Journal of Marine and Coastal Law*. 2016. Vol. 31. Issue 1. P. 145–159. DOI: <https://doi.org/10.1163/15718085-12341389>
 - Mossop J. Protests against Oil Exploration at Sea: Lessons from the Arctic Sunrise Arbitration. – *The International Journal of Marine and Coastal Law*. 2016. Vol. 31. Issue 1. P. 60–87. DOI: 10.1163/15718085-12341383
 - Perisic P. Maritime Delimitation between the Republic of Croatia and the Republic of Slovenia in the Bay Of Piran. – *2nd Law & Political Science Conference*. Prague: Institute of Social and Economic Sciences. 2018. P. 35–49. URL: https://www.bib.irb.hr/948760/download/948760.proceeding-79-010-9655_2.pdf (accessed date: 20.12.2018).
 - Talmon S.A.G. The South China Sea Arbitration: Observations on the Award of 12 July 2016. – *Bonn Research Papers on Public International Law*. 2018. No. 14. 99 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3180037>
 - The Flame Rekindled: new hopes for international arbitration*. Ed. by S. Muller, W. Mijs. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers. 1994. 202 p.
 - The South China Sea Arbitration: A Chinese Perspective*. Ed. by S.A.G. Talmon, B.B. Jia. Oxford: Bloomsbury Publishing. 2014. 274 p.
 - Tolstykh V.L. *Mezhdunarodnye sudy i ikh praktika* [International Courts and their Practice]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 2015. 504 p. (In Russ.)
 - Tseng K. Hui-Yi. *Rethinking South China Sea Disputes. The Untold Dimensions and Great Expectations*. London; New York: Routledge. 2016. 176 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315672977>
 - Yee S. The South China Sea Arbitration (the Philippines v. China): Potential Jurisdictional Obstacles or Objections. – *Chinese Journal of International Law*. 2014. Vol. 13. Issue 4. P. 663–739. DOI: <https://doi.org/10.1093/chinesejil/jmu045>

References

- Amerasinghe Ch.F. *International Arbitral Jurisdiction*. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers. 2011. 284 p. DOI:

Информация об авторе

Владислав Леонидович Толстых,

доктор юридических наук, Институт философии и права, Сибирское отделение, Российская академия наук

630090, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Николаева, д. 8

vlt73@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5103-5324

About the Author

Vladislav L. Tolstykh,

Doctor of Juridical Sciences, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

8, ul. Nikolaeva, Novosibirsk, Russian Federation, 630090

vlt73@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5103-5324